DOI 10.15826/izv2.2019.21.4.077

УДК 811.161.1'371 + 811.161.1'374.3

А. М. Плотникова

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

НАИМЕНОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО НЕЗАЩИЩЕННЫХ ГРУПП ЛИЦ В ПРАВОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ И ЗА ЕГО ПРЕДЕЛАМИ*

В статье рассматриваются лексические единицы, образующие категорию «социально незащищенные лица»: *инвалиды, лица с ограниченными возможностями здоровья, маломобильные граждане, безработные, сироты, нуждающиеся*. Характеризуется использование номинаций в обыденном языке и языке закона. Подробно анализируется устойчивая единица «лицо с ограниченными возможностями здоровья» как гипероним по отношению к гипонимам *инвалид, колясочник, аутист, слепоглухонемой* и др. Словарные толкования традиционных толковых словарей демонстрируют доминирование физиологических признаков над социальными, а в идеографических словарях русского языка исследуемые единицы включаются в группы номинаций лиц по виду заболеваний. Семантически и прагматически значимыми являются такие факторы, как актуализация отдельных элементов значений слов в контексте, возможность либо невозможность использовать языковые единицы в функции самоидентификации лица. Рассматривается проблема номинации лиц в качестве адресатов благотворительной помощи. Несимметричность и лакуарность лексической системы обнаруживается в том, что при наличии лексем, обозначающих субъекты благотворительности, адресат благотворительной помощи, называемый в языке закона *благополучателем* и *бенефициаром*, не имеет стабильного наименования. Складывающаяся в настоящее время система наименований социально незащищенных групп и адресатов благотворительной помощи свидетельствует о развитии социальных институтов филантропии. В то же время формирование тезауруса благотворительности в русском языке осложняется диффузностью семантики слов, их идеологическими и эмоционально-оценочными коннотациями.

Ключевые слова: наименования лиц; русский язык; юридический текст; язык законодательства; семантические группы; словарь; прагматика; тезаурус благотворительности.

Цитирование: Плотникова А. М. Наименования социально незащищенных групп лиц в правовом пространстве и за его пределами. DOI 10.15826/izv2.2019.21.4.077 // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки. 2019. Т. 21. № 4 (193). С. 209–218.

Поступила в редакцию 13.09.2019

Принята к печати 01.12.2019

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-012-00458 «Отношения тождества и противоположности: интеграция ментальных пространств в лексикографическом, структурно-семантическом и когнитивно-дискурсивном освещении»), а также при поддержке Программы повышения конкурентоспособности УрФУ на 2013–2020 гг. (номер соглашения 02.А03.21.0006).

Anna M. Plotnikova

*Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia*

NOMINATIONS OF SOCIALLY VULNERABLE GROUPS IN LEGAL SPACE AND OUTSIDE IT

This article examines a group of lexical units which belong to the category of “socially disadvantaged individuals”: people with disabilities, physically challenged, people with impaired mobility, the unemployed, orphans, and those in need, and studies the peculiarities of their use in everyday speech and in legal discourse. The set phrase “person with disabilities” is analysed in detail as a hyperonym for more specific terms, i.e. a wheelchair person, an autist, deaf-blind and deaf-mute, etc. Interpretations given in traditional explanatory dictionaries emphasise physiological features over social ones, and the ideographic dictionaries of the Russian language tend to group the units studied according to the type of disease/disability. Semantically and pragmatically, the relevant factors include the foregrounding of individual elements of the meaning of the word in context and whether a unit can be used as a form of self-identification. The author studies the problem of lexical reference to these individuals as recipients of charitable assistance. The asymmetry and lacunarity of the lexical system become apparent since it contains plenty of units denoting the subjects of charity, whereas, for the addressee of charitable assistance, called the beneficiary in the language of law, an official name is lacking. The current system of names of socially disadvantaged groups and recipients of charitable assistance testifies to the development of social institutions of philanthropy. At the same time, the formation of the philanthropic thesaurus in the Russian language is complicated, as many lexical units are semantically opaque and loaded with ideological and emotional-evaluative connotations.

K e y w o r d s: names of social groups; Russian language; legal text; legislative language; semantic groups; dictionary; pragmatics; charity thesaurus.

Acknowledgements

The research was carried out with the financial support of the *Russian Foundation for Basic Research* (project 19-012-00458 “Relations of Identity and Opposites: Integration of Mental Spaces in Lexicographic, Structural-Semantic and Cognitive-Discursive Coverage”), as well as with the support of the Ural Federal University Competitiveness Improvement Program for 2013–2020 (agreement 02.A03.21.0006).

C i t a t i o n: Plotnikova, A. M. (2019). Naimenovaniia sotsial'no nezashchishchennykh grupp lits v pravovom prostranstve i za ego predelami [Nominations of Socially Vulnerable Groups in Legal Space and outside It]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 21, 4 (193), 209–218. doi: 10.15826/izv2.2019.21.4.077

Submitted on 13 September, 2019

Accepted on 01 December, 2019

Социальная стратификация является теоретической проблемой целого ряда научных дисциплин. Сложность в обозначении границ социальной сферы, неопределенность понятия *социальная группа*, не раз отмечаемая в литературе по социальной психологии, социологии, юридическим наукам, обуславливает лексикографические проблемы: лексика, называющая имена лиц по социальной принадлежности, плохо поддается семантическим классификациям.

Во-первых, это объясняется социальными факторами, в первую очередь подвижностью данного класса, появлением новых социальных объединений. Социальная группа «оппозиция» в последние годы пополнилась целым рядом лексических единиц, которые появляются и устаревают на наших глазах: *белоленточники, экоузники, креаклы*.

Во-вторых, существуют собственно языковые причины: важнейшим признаком слов, называющих совокупности лиц, является семантическая дискретность, предполагающая корреляцию между именами коллектива и его отдельного представителя (например, *электорат* – *избиратель*, *чиновничество* – *чиновник*). Для многих наименований дискретность оказывается неактуальной, что объясняется, с одной стороны, коммуникативными причинами: так, в политической коммуникации важно идентифицировать группу, сведя к минимуму индивидуальность ее членов (например, *политические элиты*). С другой стороны, есть семантические факторы, связанные с неопределенным статусом этих групп лиц, нечеткостью семантических признаков слов, размытостью их значений (это хорошо видно на примере устойчивого сочетания *средний класс*, значение которого вряд ли поддается формализованному описанию и оказывается зачастую контекстуально определяемым). Использование наименований классов слов в функции идентификации «своей» либо другой, возможно, «чужой» группы ведет к заметным трансформациям значений, например, сосуществование официального политического дискурса власти и либерального дискурса привносит эмоционально-оценочные смыслы в семантику ряда лексических единиц, например, таких как *либерал, гражданин* [Левонтина, Шмелев, с. 80–84, 166–171]. Ценностные компоненты значений в разных типах дискурсов отмечают О. С. Иссерс и Д. А. Ганеева, анализируя единицы, называющие совокупности лиц: *оппозиция* и *креативный класс* [Иссерс, Ганеева].

Несмотря на историческую изменчивость социальных страт и подвижность единиц, обозначающих лицо по принадлежности к социальной группе или совокупность лиц как социальную группу, словари стремятся к такому представлению социальных групп, которое отображает социальную иерархию и оппозитивные связи между классами. Очевидно, что в номинациях лиц по имущественному положению противопоставляются *богатые* и *бедные*, по сословному положению – *аристократы* и *простолюдины*.

Мотивация выбора слова для характеристики социальной роли человека и его принадлежности к определенной социальной группе может быть различной и обусловленной множеством факторов. Выбирая для характеристики другого лица или самоидентификации один из синонимов, например, *доктор* или *врач*,

учитель или *преподаватель*, *доброволец* или *волонтер*, человек может руководствоваться разными критериями: точностью номинации, ее связью с традицией, стереотипностью, престижностью, иногда закреплённостью в текстах законов и иных юридических документах.

Материалом рассмотрения в статье является семантическая группа слов, обозначающих социально незащищенные группы лиц. К социально незащищенным категориям граждан относятся *безработные*, *инвалиды*, *сироты*, а также лица, которым предоставляется благотворительная помощь в соответствии с законом (*пострадавшие в результате стихийных бедствий, катастроф, беженцы, переселенцы, жертвы репрессий* и т. д.).

В рамках данной статьи будут рассмотрен фрагмент этой системы, связанный с номинациями лиц с ограниченными возможностями здоровья и номинациями лиц, являющихся адресатами благотворительной помощи. В силу частотности употребления центральное положение в этой системе занимает слово *инвалид*, называющее в том числе и адресата благотворительной помощи.

В толковых словарях русского языка лексическая единица *инвалид* определяется через оценку социального статуса человека — его отношения к труду: «**Инвалид**. Человек, утративший трудоспособность (полностью или частично) вследствие ранения, увечья, болезни или старости» [БТС, с. 391].

В этом же словаре в качестве синонима к инвалидности названа нетрудоспособность. Вместе с тем композиционность семантики слова *инвалид*, называющего, с одной стороны, принадлежность человека к социальной группе, а с другой стороны, фиксирующая наличие у человека проблем физиологического характера, позволяет авторам идеографических словарей относить это слово не к классу социальной лексики, а к единицам, характеризующим человека по его заболеваниям.

В «Русском семантическом словаре» слово *инвалид* включено в класс слов, называющих лиц по виду заболеваний, аномалий, отклонений, наряду с такими единицами, как *алкоголик*, *аллергик*, *анашист*, *астеник*, *астматик*, *безумец*, *бесноватый*, *блаженный*, *близорукий*, *гипертоник*, *глухой*, *графоман*, *дегенерат*, *дистрофик* и т. д. [РСС].

Более однородным является состав этой группы в «Большом толковом словаре русских существительных», где слово *инвалид* помещено в семантический класс «Медицина», входит в группу существительных, обозначающих больного человека, и определяется следующим образом: «**Инвалид**, -а, м. Человек, страдающий аномалиями в физическом развитии, получивший ранения или увечья и потому полностью или частично лишенный трудоспособности» [БТСРС, с. 485].

Семантический компонент, связанный с аномалиями, казалось бы, позволяет включить эту лексическую единицу в группу слов, характеризующих отклонения в строении живого существа и представленную обширным рядом: *безногий*, *безрукий*, *безъязыкий*, *одноглазый* и др., однако такое лексикографическое решение входит в противоречие с социальной практикой, рассматривающей инвалидность скорее как заболевание, чем как отклонение.

В то же время во многих словарях синонимов *инвалид* включено в синонимический ряд *калека*: «**Калека**, инвалид, обрубок, убогий, *устар.* увечный» [СТСРР, с. 33]. Словари, видимо, наследуют интерпретацию инвалидности как физического увечья, представленную в первом словаре русских синонимов Н. Абрамова: «**Калека**, увечный, изуродованный, раненый, инвалид; безрукий, безногий, слепой, хромой, колченогий и проч.» [Абрамов, с. 248].

Понятие инвалидности как обращающего на себя внимание и внешне заметного отклонения поддерживается многочисленными контекстами:

У рынка на Большом проспекте Васильевского острова женщины торговали каким-то тряпьем, старыми швейными машинами, семечками. Тут же бродили инвалиды войны — безрукие, безногие, на костылях, на маленьких колесных салазках, с грохотом катящихся по выщербленному асфальту (*Юрий Рытхэу. Время таяния снегов. 1967*)¹.

Нет, вы уж не скупитесь, накиньте что-нибудь. Я — инвалид, видите — безногий, какой из меня добытчик и работник? Так, живем, чем бог пошлет, с хлеба да на квас перебиваемся... (*М. А. Шолохов. Тихий Дон. Книга четвертая. 1928–1940*).

Номинация *инвалид* способна применяться с целью самопрезентации и самоидентификации лица, причем этот тип высказывания имеет множество прагматических функций, обычно связанных с воздействием на эмоциональную сферу другого лица: от констатации факта до требований особого социального положения, социальных льгот, гарантий. Номинация другого лица как инвалида, по корпусным данным, способна стать причиной коммуникативной неудачи, речевого конфликта:

— Ограниченно годный первой степени, что в мирное время означает инвалид третьей группы. «Сам ты инвалид ушибленный», — подумал Третьяков, которому никто еще никогда этого обидного слова не говорил. И с этой минуты возненавидел Макарихина (*Григорий Бакланов. Навеки девятнадцатилетние. 1979*).

С юридической точки зрения инвалидность связана с особым юридическим статусом. Согласно Федеральному закону «О социальной защите инвалидов» [О социальной защите инвалидов...], инвалид — это лицо, которое имеет нарушение здоровья со стойким расстройством функций организма, обусловленное заболеваниями, последствиями травм или дефектами, приводящее к ограничению жизнедеятельности и вызывающее необходимость его социальной защиты. Установление такого статуса предполагает наличие официального диагноза, прохождение медико-социальной экспертизы и документальное подтверждение этого статуса. Эвфемистическое «человек с инвалидностью» ослабляет категоричность формулировки «инвалид», как и другие аналитические конструкции с предлогом «с», ср.: *психический больной, психопат — человек с психическим расстройством; слабоумный, недоразвитый — с отклонениями в развитии*.

¹ Здесь и далее все примеры употребления в художественной литературе и СМИ взяты из Национального корпуса русского языка [НКРЯ].

Составное наименование «человек / лицо с ограниченными возможностями здоровья» («человек с ОВЗ») реализует более широкое значение, определенное законодательно: к таким лицам относятся «люди, которые имеют те или иные ограничения в повседневной жизнедеятельности, связанные с физическими, психическими или сенсорными дефектами» (ст. 3 ФЗ). Если правовой статус инвалида не предполагает признание за человеком права на образование, то лицо с ограниченными возможностями здоровья, не будучи инвалидом, имеет образовательные потребности. Неслучайным кажется использование слова *лицо*, для значения которого типичны контексты, связанные с правовым статусом человека, его социальной ролью [см.: Вайс, с. 90]. Непростое соотношение понятий «инвалид» и «лицо с ограниченными возможностями здоровья» обуславливает появление контекстов, в которых отсутствие физически заметного отклонения служит спусковым механизмом речевого конфликта: «*Да какой он инвалид, на нем пахать надо! Не бывает таких инвалидов!*» (о человеке с ментальными нарушениями здоровья, пример из разговорной речи).

Требования корректности в выборе номинаций, связанные с уходом от слов *ограниченный*, *страдающий* и тем более прилагательных нормативной оценки, таких как *дефектный*, *ненормальный*, *неполноценный*, послужили причиной появления целой парадигмы эвфемистических замен: *человек с особыми потребностями*, *с пониженной работоспособностью*, *особый ребенок*, *с особенностями развития*, *нейротипичный*, *инклюзив*, *маломобильный*. Каждая из этих номинаций обладает семантическими и прагматическими особенностями. Например, номинация *маломобильный* используется применительно к человеку на инвалидной коляске, заменяя разговорное *колясочник*, *инклюзив* характеризует человека с точки зрения получения образования. Наименование *незрячий* рассматривается как более предпочтительный вариант по отношению к *слепой*, несмотря на существование Всероссийского общества слепых. Причина этого может заключаться в наличии у *слепого* вторичных метафорических значений с отрицательной семантикой. Нюансировка значений неясности, неопределенности содержится и в сложных словах с корневыми элементами *мало-*, *слабо-* (*малоподвижный*, *слабослышащий*, *слабовидящий*) в отличие от категоричности слов с префиксом *без-*, обозначающих физиологические девиации и в силу развития коннотаций, выходящих за пределы соматической сферы, оказывающихся крайне неудобными названиями (*безногий*, *безрукий*).

Кроме того, в языке возникают новые фразеологизмы, и вместо указания диагноза (*человек, страдающий ДЦП*; *ребенок с синдромом Дауна* и их разговорные корреляты: *дауненок*, *дэцепешник*) такие единицы явно приобретают положительный ассоциативный фон: *солнечные дети* — о синдроме Дауна, *хрустальные / стеклянные дети* — о разновидности остеогенеза.

Метаязыковая рефлексия по поводу выбора номинации приводит к неоднозначности оценок таких единиц, которые могут рассматриваться как проявление политкорректности или, наоборот, становиться объектом критики:

Политкорректный эвфемизм «люди с ограниченными возможностями» («с особыми потребностями») фальшив, он накрывает общим одеялом всех — и интеллектуала, лишившегося ног в аварии, и тяжелого олигофрена, и одаренного аутиста, и человека с пограничными проблемами, — не пора ли искать новые дефиниции? (Евгения Долгинова. Пленный дух // Русская жизнь. 2012).

Формирование социальных институтов, связанных со сферой благотворительной деятельности, развитие общественных практик в этой сфере ставит вопрос о выборе наименования для обозначения субъекта и адресата благотворительности как в тексте официальных документов, так и в массмедийном дискурсе. Для обозначения субъектов благотворительной деятельности существует разветвленная система номинаций (например, *благотворитель, меценат, филантроп, спонсор, волонтер* и др.), которые оказывались в поле зрения лингвистов, рассматривающих специфику значений этих слов, историю формирования значений, синонимические сближения и различия некоторых лексических единиц [Флат]. Для семантики таких слов важным является и значение статуса лица, о котором пишет И. Е. Ким: «Имя статуса обозначает не реальный социальный объект, а его идеальную форму, иницирующую у других членов общества определенного рода ожидания по отношению к данной реалии» [Ким, с. 197]. Эта идеальная форма позволяет называть как статус объекта — *меценат Третьяков*, так и качество объекта — *известный меценат*.

Сложнее обстоят дела с обозначением адресата благотворительной помощи. Федеральный закон «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» [О благотворительной деятельности...] называет адресата *благополучателем* и определяет в качестве лица, получающего пожертвование от благотворителей, помощь добровольцев. Очевидно, что эта единица сохраняется в официальных документах, но отвергнута общеречевой практикой, о чем свидетельствуют и корпусные данные (в общем корпусе НКРЯ зафиксировано лишь одно вхождение), и отсутствие слова в большинстве толковых словарей русского языка.

Как назвать тех, кому помогают благотворители? Рассмотрим несколько гиперонимических номинаций, обращая внимание на следующие факторы: 1) использование в языке закона и речевой практике; 2) возможность употребления в функции самоидентификации и самопрезентации (значимость этого признака для осмысления социального статуса подчеркивается в работах М. А. Лаппо [2013, с. 7]); 3) системные связи с другими номинациями.

В юридической практике разграничиваются те лица, которые нуждаются в материальной помощи (*малоимущие, нуждающиеся*), и те, которые получают выгоду (*бенефициары, бенефициарии*). Относительно последних номинаций следует сказать, что их значение необязательно предполагает получение каких-либо ресурсов в результате оказанной благотворительной помощи: бенефициар — это вообще получатель денег, прибыли, выгоды, в том числе и получатель благотворительной помощи.

При наличии большого количества идеографических синонимов, входящих в ряд «бедный» (*бедный, нищий, малоимущий, нуждающийся, необеспеченный, бедняк, голоштанник, беспорточник, обездоленный, голый, небогатый, беспорточный*), язык законодательных документов использует, естественно, только стилистически нейтральные номинации, при этом стремление к социальной корректности определяет отсутствие в законе понятий «бедный» и «неимущий». Если признак «бедный» связывался в советскую эпоху с капиталистическим обществом (см. толкование в словаре Д. Н. Ушакова: «**Неимущий**. В буржуазных странах — не имеющий средств к существованию, бедный, живущий в нужде» [ТСРЯ]), то в современных обществах декларируется социальная защищенность граждан, и думается, что этот факт в первую очередь диктует уход от использования номинации *бедный* в тексте юридического документа.

Законодательно определена та категория лиц, которая отнесена к *малоимущим* (см.: Федеральный закон «О порядке учета доходов и расчета среднедушевого дохода семьи и дохода одиноко проживающего гражданина для признания их малоимущими и оказания им государственной социальной помощи» [О порядке учета доходов...]). Более широкое значение имеет слово *нуждающийся*, которое используется в официальных документах в форме причастия (*нуждающийся в жилых помещениях*), прилагательного (*нуждающиеся люди*), субстантивированного прилагательного (*предоставление услуг и средств нуждающимся*).

Казалось бы, *нуждающийся* не всегда является синонимом *бедного*, в то время как *неимущий* ближе по значению к *бедному*, однако контексты демонстрируют некоторую условность смыслового объема каждой из единиц этого синонимического ряда. Например, в текстах, тематически связанных со сферой религии, помощь оказывается «нуждающимся», под которыми чаще всего подразумеваются бедные, так как речь идет об удовлетворении первоначальных потребностей:

В трапезной при Знаменском храме города Борисоглебска нуждающимся было предложено горячее питание (Новости Воронежской епархии (2004) // Журнал Московской патриархии. 2004.09.27).

«Неимущими» могут быть названы люди, не имеющие достаточных средств для покупки того, что не относится к жизненно важному:

Люди посостоятельнее выезжают на пикник с шампурами и раскладным мангалом. Совсем неимущие выстраивают мангал из веток или сырых бревен, а шампуры выстругивают из ивовых прутьев (*Сергей Синельников и др. Я из всего шашлык сделаю!* (2003) // Петербургский Час пик. 2003.09.03).

Номинации этого синонимического ряда могут быть использованы для самоидентификации, однако следует сказать, что представление себя как человека бедного, неимущего, нуждающегося обусловлено прагматическими целями, обычно мотивировкой своего поведения, самоуничижением, просьбой о помощи, например:

...деньги, не отданные сейчас, могут разойтись, особенно у меня, человека постоянно нуждающегося, и что я больше чем кто-нибудь другой рискую истратить их и не уплатить долга, — я как простой практический человек и должен бы был отказать Вам (Г. И. Успенский. Письма. 1884–1886).

Другие единицы, входящие в семантическую группу «Помощь» и называющие человека, получающего помощь, характеризуются большей специализацией значений, например: *подопечный, опекаемый, подшефный* и др.

Наличие значительного количества единиц, называющих лиц с ограниченными возможностями здоровья, и лакунарность в обозначении родового наименования адресата благотворительной помощи обусловлены как социальными причинами (формирование тезауруса благотворительности происходит по мере развития филантропических практик в обществе), так и механизмами взаимодействия обыденного языка и языка закона. Языковое моделирование социума связано с дискретностью социальных классов и групп. Как показывают приведенные в статье примеры, требует решения ряд вопросов, касающихся употребления некоторых единиц в языке закона, письменной деловой речи благотворительных организаций и массмедийном дискурсе, а также их отражения в словарях современного русского языка.

Источники

Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. М. : Рус. словари : АСТ : Астрель : Хранитель, 2006.

БТС — Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб. : Норинт, 2000.

БТСРС — Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под ред. Л. Г. Бабенко. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2008.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 31.10.2019).

О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве) [Электронный ресурс] : федер. закон от 11.08.1995 № 135-ФЗ : (ред. от 18.12.2018) // СПС КонсультантПлюс.

О порядке учета доходов и расчета среднедушевого дохода семьи и дохода одиноко проживающего гражданина для признания их малоимущими и оказания им государственной социальной помощи [Электронный ресурс] : федер. закон от 05.04.2003 № 44-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

О социальной защите инвалидов в Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ : (ред. от 29.06.2015) // СПС КонсультантПлюс.

РСС — Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. М. : Азбуковник, 1998. Т. I : Слова указующие (местоимения). Слова именующие: имена существительные (Всё живое. Земля. Космос).

СТСРР — Словарь-тезаурус синонимов русской речи / под ред. Л. Г. Бабенко. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007.

ТСРЯ — Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М. : Терра, 1996.

Исследования

Вайс Д. Человек, лицо, личность и особа: четыре неравных соперника // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. М. : Индик, 1999. С. 81–98.

Иссерс О. С., Ганеева Д. А. «Новое русское слово» в контексте политического дискурса: диалог, оппозиция, креативный класс // Полит. лингвистика. 2013. № 3 (45). С. 37–47.

Ким И. Е. Три способа моделирования социальных реалий в современном русском языке // Сиб. филол. журн. 2011. № 1. С. 192–199.

Латто М. А. Самоидентификация: семантика, прагматика, языковые ресурсы. Новосибирск : НГПУ, 2013.

Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Либеральный лексикон. СПб. : Нестор-История, 2019.

Флат М. А. Концептосфера «Благотворительность» в русской языковой картине мира : динамический аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Барнаул, 2014.

References

Flat, M. A. (2014). *Kontseptosfera "Blagotvoritel'nost'" v russkoj iazykovoj kartine mira: dinamicheskij aspekt* [The Conceptosphere "Charity" in the Russian Linguistic Worldview: A Dynamic Aspect] (doctoral dissertation abstract). Barnaul. (In Russian)

Issers, O. S., & Ganeeva, D. A. (2013). "Novoe russkoe slovo" v kontekste politicheskogo diskursa: dialog, oppozitsiia, kreativnyj klass [*Novoye Russkoye Slovo* in the Context of Political Discourse: Dialogue, Opposition, Creative Class]. *Politicheskaya lingvistika*, 3 (45), 37–47. (In Russian)

Kim, I. E. (2011). Tri sposoba modelirovaniia sotsial'nykh realij v sovremennom ruskom iazyke [Three Ways to Model Social Realities in Modern Russian]. *Sibirskij filologicheskij zhurnal*, 1, 192–199. (In Russian)

Lappo, M. A. (2013). *Samoidentifikatsiia: semantika, pragmatika, iazykovye resursy* [Self-Identification: Semantics, Pragmatics, Language Resources]. Novosibirsk: NGPU. (In Russian)

Levontina, I. B., & Shmelev, A. D. (2019) *Liberal'nyj leksikon* [Liberal Lexicon]. St Petersburg. (In Russian)

Weiss, D. (1999). Chelovek, litso, lichnost' i osoba: chetyre neravnykh sopernika [Man, Face, Personality, and Person: Four Unequal Rivals]. In N. D. Arutyunova, & I. B. Levontina (Eds.), *Logicheskij analiz yazyka. Obraz cheloveka v kul'ture i iazyke* [Logical Language Analysis. The Image of Man in Culture and Language] (pp. 81–98). Moscow: Indrik. (In Russian)

Плотникова Анна Михайловна

доктор филологических наук, профессор
кафедры фундаментальной и прикладной
лингвистики и текстоведения
Уральский федеральный университет
620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: annamp@yandex.ru

Plotnikova, Anna Mikhailovna

Dr. Hab. (Philology), Associate Professor
Department of Fundamental and Applied
Linguistics and Textual Science
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620083 Yekaterinburg, Russia
Email: annamp@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-6027-2855
ResearcherID: O-7494-2019
Scopus AuthorID: 57193958500